

DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-2-159-166

УДК 82-192

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО М.А. ШОЛОХОВА В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕЦЕПЦИИ

Я.В. Солдаткина

Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, 1

В статье анализируются примеры обращения современных авторов к писательской биографии и произведениям классика русской литературы XX века М.А. Шолохова. Художественные принципы эпоепийного повествования, свойственные прозе Шолохова, современной литературой не востребованы, шолоховские сюжеты адаптированы — акцент делается на семейно-бытовых и любовных линиях. Но при этом шолоховские аллюзии участвуют в создании исторического колорита, придавая достоверности литературным описаниям эпохи 1920—1930-х годов, а интерес шолоховским героям и сюжетам коррелирует с общекультурным вниманием к переосмыслению советского прошлого.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, постмодернизм, женская проза, историческая проза, детектив, аллюзии и реминисценции

Вклад М.А. Шолохова в русскую литературу и культуру XX века огромен: в диалоге с романистикой Шолохова развивалась русская деревенская проза, влияние Шолохова чувствуется во всей донской литературе. Не без внутренней полемики с шолоховской эпопеей «Тихий Дон», с оглядкой на нее создается А.И. Солженицыным его масштабный труд «Красное колесо». В литературоведческих работах недавнего времени проводятся сравнительно-сопоставительные параллели между творчеством М.А. Шолохова и С.С. Бехтеева [7], К.М. Симонова [4], Н.А. Островского и А.И. Солженицына [5], которые раскрывают многогранность шолоховского творчества.

Литература XXI века в гораздо меньшей степени интересуется литературным наследием М.А. Шолохова: современная проза избегает эпического охвата событий, свойственного шолоховскому художественному миру, поскольку доминантой литературного процесса становится историческое повествование с принципиально иным, по сравнению с эпикой, предметом изображения — закономерности исторического процесса и судьба личности. Отсылки к шолоховским текстам можно встретить в современной литературе в самых неожиданных контекстах: в постмодернистской лжебиографии, в ретро-детективе, в женской прозе о прибалтийских раскольниках, что не позволяет говорить о развитии полноценной шолоховской традиции, но указывает на наличие определенного интереса к личности и произведениям писателя.

Наиболее полно творчество М.А. Шолохова и обстоятельства его биографии, а также пресловутый «шолоховский вопрос» об авторстве «Тихого Дона», до сих пор муссирующийся в медиа- и литературном пространстве, отрефлектированы в псевдобιοграфическом романе Дм. Быкова «Икс» (2012), представляющем собой игровую постмодернистскую версию творческого пути М.А. Шолохова и изощренно-детективное решение «шолоховского вопроса». Как совершенно справедливо подчеркивали рецензенты романа, «люди (и события) 20—30-х годов интересуют Быкова ничуть не меньше, чем современность, а иногда кажется, что и гораздо больше. <...> Иногда он даже бравирует своей любовью к советской эпохе — недаром в одном из своих злободневных политических стихотворений он себя именуется «фанат эсесера» [1]. В этом отношении «Икс» представляет собой остроумную авторскую версию литературного процесса 1920—1930-х годов, в которой специалисты с легкостью узнают и обстоятельства «дискуссии о языке», и языковые штудии опоязовцев — думается, Быков сознательно уснащает свое повествование метками эпохи, демонстрируя детальное с ней знакомство в качестве «охранной грамоты» для дальнейших фантазмагорических построений. С другой стороны, Быков обращается к проблеме «шолоховского авторства» не только в силу собственной увлеченности советской литературой: для писателя «шолоховский сюжет» оказывается едва ли не идеальным пособием по постмодернистской поэтике, тем более оригинальным, что материалом для этого пособия становится шолоховское творчество.

Во-первых, Быков с удовольствием отсылает читателя к постмодернистской идее о «смерти автора»: его Шелестов, начинающий писатель, получает по почте от анонима рукопись, которую добросовестно редактирует и потом продолжает самостоятельно. Кажется, что самого Шелестова с описываемыми в рукописи событиями ничего не связывает, а потому «подлинный автор» фактически умирает, растворяется в Шелестове-редакторе и соавторе, заодно становясь иллюстрацией концепции «коллективного авторства» — явления, существовавшего задолго до возникновения постмодернизма. Во-вторых, Быков затрагивает глубокие проблемы литературного творчества: взаимодействие между художественным текстом и его нехудожественными источниками, прецедентным текстом, литературной традицией — аспекты, значимые не только для постмодернизма, но и для литературы в целом («Можем ли мы сегодня считать грехом использование чужих записок или хотя бы даже художественного произведения?... У нас имеется образчик, когда Некрасов, поэт, без сомнения, великий и притом высоко нравственный..., использовал почти дословно французские записки Марии Волконской, тогда большинству читателей недоступные. ...И более того: литература будущего, возможно, будет состоять из обработанных документов, как полагает, в частности, уже сегодня товарищ Брик» [2. С. 51—52]). В-третьих, сам Быков с видимым удовольствием проговаривает и переиначивает шолоховские сюжеты и стилизует шолоховскую повествовательную манеру: в пересказах произведений Шелестова без труда узнаются «Донские рассказы»: «Марево» («Шибалково семья»), «Недостреленок» («Нахаленок»), а роман «Пороги», вокруг которого закручивается действие, в пересказах Быкова и размышлениях Шелестова содержит прямые отсылки к ключевым линиями «Тихого Дона» (Григорий —

Аксинья — Степан // Панкрат — Анфиса — Петро; бои Вешенского восстания // бой под Ракитной) и даже «Поднятой целины» [главный герой Панкрат в последнем томе — колхозник, к которому тайно прибывает бывший товарищ по банде — подстрекать к бунту (прозрачный намек на есаула Половцева)]. Вся глава «15 августа 1929, Москва» представляет собой развернутую стилизацию психологического параллелизма пейзажных зарисовок «Тихого Дона»: быковский Шелестов мучительно подбирает слова для описания возвращения Панкрата домой. Финал «Порогов» — «огромное, неоправданное длинное пейзажное отступление» [2. С. 260] с сухим лугом, озерцом и засыхающим разбитым грозой деревцем аллюзивно связан с открытыми финалами обоих шолоховских романов. Но тональность шелестовского романа существенно отличается от шолоховских, поскольку Быков-постмодернист вкладывает в уста Шелестова типичные для этого мировоззрения представления о бессмысленности бытия и печальном уделе творчества («...он переписывает так, чтобы этому дать смысл. Которого на самом деле нет») [2. С. 212]).

Но игры Быкова вокруг личности и творчества Шолохова-Шелестова приводят к парадоксальному итогу: лихо закрученный сюжет, который сталкивает Шелестова с прототипами персонажей «Порогов», разрешается, с одной стороны, в русле детективно-конспирологическом: после военной контузии начинающий писатель Алексей Трубин теряет память и, становясь журналистом Шелестовым, переписывает свой собственный черновик, из которого и вырастает знаменитый роман (тем самым, версия «плагиата» художественно опровергается). Но, с другой, — встреча «прозревшего» Шелестова-Трубина с родителями и история его усыновления Шелестовым с очевидностью воспроизводят сцены «Чужой крови» и «Судьбы человека» — так «биографический сюжет» Шелестова переплетается с шолоховскими текстами, иллюстрируя мысль о внутреннем единстве и цельности шолоховского творчества, о его принципиальной подлинности через попытку постмодернистской «деконструкции», которая оборачивается утверждением и авторства, и состоятельности шолоховского художественного мира. И в этом отношении «шолоховский сюжет» действительно оказывается связующим звеном между литературой XX и XXI веков, поводом для провокационного разговора если не о традициях, то о потребности в новом осмыслении классики XX века.

Расхожий миф о «двойном» авторстве «Тихого Дона» используется и во втором романе серии ретро-детективов Ю. Яковлевой «Укрощение красного коня» (2017), действие которых происходит в начале 1930-х годов в Ленинграде, а потому нуждается в привлечении антуража, опознаваемого читателями как «подлинный исторический». В первом романе серии «Вдруг охотник выбегает» таким антуражем был арест по надуманным политическим обвинениям главного героя — сыщика Зайцева, в новом же тексте Яковлевой маркером эпохи становится коллективизация, показанная через восприятие «стороннего человека» — отправленного в рабочую командировку на Дон Зайцева. Соответственно, степные и ростовские зарисовки нуждаются в подтверждающем контексте для создания иллюзии достоверности повествования — и в этой функции выступает как читаемый коллегой Зайцева Зоей «Тихий Дон», так и не упоминаемая — еще не написанная на

момент действия романа — но подразумеваемая «Поднятая целина». Так, заглянув случайно в Зоину книжку, «Зайцев принялся читать книгу как следователь, выслушивающий показания. Сомнений не было: он слышал двух совершенно разных свидетелей. Два голоса» [8. С. 213—214]. Здесь Яковлева, чьи детективы ориентированы на «интеллигентскую» аудиторию, дает понять, что она в курсе современных критических трендов, и, соответственно, заслуживает доверия и попадания в литературный мейнстрим. Но далее писательницей используется только «любовная линия» романа и его «казачий быт»: ее героиня Зоя — любовница женатого чиновника, а потому особенно сочувствует «разлучнице» Аксинье, а расследуемое Зайцевым дело связано с красавцами-кавалеристами, которым предстоит сделать непростой нравственный выбор: участвовать или нет в подавлении казачьих восстаний против коллективизации. С одной стороны, можно констатировать, что в данном случае обращение к творчеству Шолохова носит поверхностный, вспомогательный характер, не затрагивает существенных аспектов этики и эстетики писателя, а выполняет функцию скорее декоративную. Но, с другой, — видно, что творчество Шолохова воспринимается массовым читательским сознанием, к которому апеллирует Яковлева как автор популярного жанра, как неотъемлемая и очень значимая часть советской эпохи, фактически — для презентации этой эпохи и создания ее образа достаточная.

Указанная тенденция может быть зафиксирована и для более серьезного типа прозы. Автор уже упоминала о востребованности в современной литературе исторического повествования, особенно актуального для активно развивающегося феномена отечественной «женской прозы» с ее вниманием к семейному роману и эволюции института семьи в контексте трагических потрясений XX века. В силу этого обстоятельства советское прошлое представлено в женской прозе многоаспектно и с совершенно разных идеологических и эстетических позиций (например, как в работе [6]). В нашумевшем романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015), получившем литературную премию «Большая книга», можно выделить разнонаправленные векторы восприятия советского прошлого: с одной стороны, достаточно правдиво и в соответствии с семейными преданиями [10] воссоздан таежный быт раскулаченных переселенцев, с другой, — именно коллективизация дает героине романа шанс начать новую жизнь и самореализоваться в личном и профессиональном планах. Определенная ностальгия (или же — новая трактовка «лагерной темы», соцреалистического «романа воспитания», аналогичная «Обитатели» Захара Прилепина) и даже своего рода идеализация этого прошлого — одна из узнаваемых черт современного культурного пространства, создаваемого поколением, выросшем уже в постсоветский период и воспроизводящем раннесоветскую эпоху либо по воспоминаниям и мемуарам, либо по литературным произведениям. Соответственно, не вызывает удивления, что второстепенный участник коллективизации в советской Татарии буквально списан Яхиной с одного из главных героев шолоховской «Поднятой целины»: как и знаменитый Семен Давыдов, яхинский председатель сельсовета Денисов — «бывший питерский моряк (балтиец!) и ленинградский рабочий (ударник!), теперь вот двадцатипятилетний (романтик!) приехал по зову партии поднимать советскую деревню...» [9. С. 46]. Для полноты сходства Денисов унаследовал от шолохов-

ского любушки-Давыдова и его присказку «факт!», необходимую Яхиной в качестве не только биографической, но и речевой реминисценции, естественным образом приглашающей к сопоставлению романов. С одной стороны, специальная авторская справка, завершающая главу о процессе раскулачивания, живописует незавидную дальнейшую судьбу Денисова: отзыв из деревни, борьбу за ленинградскую жилплощадь, пьянство, выселение за 101 километр и полный жизненный крах — и, безусловно, остро полемична по отношению к шолоховскому прообразу. Яхина намеренно переосмысляет первоисточник, который используется ею в уже привычной для современной литературы функции исторической детали (для современного исторического повествования художественный, литературный факт даже достовернее и предпочтительнее факта реально-исторического). Но, с другой, — сама тональность романа «Зулейха открывает глаза», поэтическое описание трудового поселка Семрук на берегах Ангары как своего рода места обетованного, мучительный и прекрасный роман раскулаченной Зулейхи и совестливого «работника органов» Ивана Игнатова, застрелившего ее мужа, но спасшего ее саму и ее сына, по духу своему принципиально близок шолоховским художественным идеям и поискам моделей национального примирения, гармонии между прошлым и будущим, общественным и личным. И в этом плане, думается, можно говорить об определенной авторской установке на диалог с шолоховской художественной традицией.

Шолоховская эпопея становится своеобразным литературным истоком и для другой женской «семейной хроники», написанной русской писательницей из Риги Е.А. Катишонок, проживающей в американском Бостоне. Хотя название «Жили-были старик со старухой» (2006) [3] подчеркивает те образно-сюжетные связи, которые отсылают к тексту пушкинской сказки, на деле писательница обращается и к шолоховскому «Тихому Дону» за казачьим контекстом: в центре сюжета — история рода казаков-старообрядцев Ивановых, в начале XX века переехавших в Ригу и переживших в ней и царский, и гитлеровский, и советский периоды. Несмотря на обилие персонажей (разветвленная система детей, их жен и мужей, внуков, правнуков), главными героями становятся сами старик и старуха: Григорий и Матрена Ивановы. Повествование, при достаточно широком хронотопе (более полувека, действие перемещается и в донской Ростов, и в Кемерово), замыкается на двух этих персонажах, их счастливой жизни, ссоры и медленной смерти, что достаточно типично для «женской прозы». Искусно вплетенные в историю Ивановых мотивы шолоховского «Тихого Дона» только подчеркивают разницу в художественном мышлении и масштабе текстов.

У столяра Григория Иванова не только «мелеховское» имя, но и происхождение: его мать — цыганка, привезенная отцом-казакком из европейского похода. После ранения он будет хромать — совсем как Пантелей Прокофьевич, но трагедия их с женой бытия — его измена жене в пожилом возрасте, в кемеровском госпитале, где кастелянша Калерия буквально спасает его, раненного на войне и увезенного санитарным поездом далеко от родных мест, от голодной смерти на морозе, — скорее, является парафразом истории Григория и Натальи, поскольку, как и Наталья после рождения детей, Матрена не прощает мужа, отстраняется от него. В сниженном варианте родовая судьба (как и в «Тихом Доне» сопоставлены

жизненные пути Прокофия и Григория Мелеховых) повторена младшим сыном Ивановых: только «герой войны» Семен оказывается горьким пьяницей-тунеядцем, тиранящем гражданскую жену — полячку, рассматриваемую им в качестве «военного трофея». Таким образом, видим, что Вторая мировая война, ставшая для героев катастрофой, подобной Первой мировой и Гражданской для Мелеховых, подана через призму любовных и семейных отношений, но не в эпическом измерении. Подчеркнем, что авторское сравнение не имеет своей целью упрекнуть Катишонок, скорее, наоборот, показать, что современная «женская проза» связана с традицией в лучших своих образцах и способна тактично и органично использовать те достижения и открытия предшественников, которые не будут противоречить «семейно-бытовому» ракурсу повествования.

У Катишонок, что свойственно женской прозе, героини не приемлют насилие: они в гораздо большей степени старообрядцы, чем казаки: «Не мог я убивать, папаша. ...Ведь крест на мне» [2. С. 103]. Видим, как социокультурная ситуация и отказ от эпопейного охвата кардинальным образом трансформирует этические оценки и поэтику «казачьего» сюжета: Катишонок, как и всей женской прозе в целом, гораздо интереснее частные взаимоотношения героев, для которых не эпические потрясения, переживаемые социумом, представляют только фон, но не самый предмет изображения. Тем не менее, Катишонок ни в коем случае не развенчивает шолоховский сюжет, но, скорее, адаптирует его для жанра «семейного романа» и для постсоветской аудитории, испытывающей потребность в реабилитации прошлого и примирении с ним.

В целом, отечественная проза, можно сказать, заново открывает для себя мир шолоховских произведений: в прагматическом плане шолоховские аллюзии используются для воссоздания «колорита эпохи», обретая статус культурно-исторического факта, но если социокультурный запрос на восстановление исторической преемственности, востребованность советского прошлого и далее будут актуальны, то это позволяет прогнозировать будущее возможное продолжение полноценного этико-эстетического диалога с шолоховской художественной вселенной в современной литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Аросев Г.* Ответа нет (Дмитрий Быков. Икс) // Новый мир. 2013. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/1/a12.html (дата обращения: 05.02.2018).
- [2] *Быков Д.Л.* Икс. М., 2012.
- [3] *Катишонок Е.А.* Жили-были старик со старухой. М., 2011.
- [4] *Поль Д.В.* Герой-защитник в художественном мире М.А. Шолохова и К.М. Симонова // Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания: материалы XX Шешуковских чтений. М., 2015. С. 15—25.
- [5] *Поль Д.В.* Правда личная и правда народная в русской литературе XX в. (М.А. Шолохов, Н.А. Островский, А.И. Солженицын) // Литературная учеба. 2008. № 2. С. 137—149.
- [6] *Султанов К.К.* Репрезентация прошлого как доминирующий фактор самоидентификации в литературе постсоветского периода // *Studia Litterarum*. 2016. № 1-2. С. 302—321.
- [7] *Урюпин И.С.* «В годину смуты и разврата...»: об одной реминисценции в творчестве М.А. Шолохова и С.С. Бехтеева // Дом Бурганова. Пространство культуры, 2017. № 2. С. 63—72.

- [8] Яковлева Ю. Укрощение красного коня. М., 2017.
[9] Яхина Г.Ш. Зулейха открывает глаза. М., 2015.
[10] Яхина Г. «Я люблю простые человеческие истории» // Le Courrier de Russie. 9.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lecourrierderussie.ru/obshestvo/lioudi/2015/09/guzel-yahina-prostyie-istorii/> (дата обращения: 05.02.2018).

© Солдаткина Я.В., 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 января 2018

Дата принятия к печати: 20 февраля 2018

Для цитирования:

Солдаткина Я.В. Личность и творчество М.А.Шолохова в зеркале современной русской прозы: основные направления рецепции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 159—166. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-2-159-166

Сведения об авторе:

Солдаткина Янина Викторовна, доктор филологических наук, профессор института филологии Московского педагогического государственного университета. Контактная информация: e-mail: yav.soldatkina@mpgu.edu

PERSONALITY AND LITERARY WORKS OF M.A. SHOLOKHOV AS PART OF CONTEMPORARY RUSSIAN PROSE: THE BASIC TRENDS OF PERCEPTION

Ya.V. Soldatkina

Moscow State Pedagogical University
1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

The article analyzes examples of the contemporary authors' references to the biography and works of M.A. Sholokhov, the renowned Russian writer of the twentieth century. Artistic principles of epic narrative, peculiar to Sholokhov's prose, are not in demand by modern literature; Sholokhov's narratives are adapted — the emphasis is on family/household and love themes. However, at the same time Sholokhov's allusions are instrumental in the creation of the unique historical background, giving credence to the literary descriptions of the 1920s—1930s, and the interest in Sholokhov's characters and stories correlates with the general cultural interest in the rethinking of the Soviet past.

Key words: M.A. Sholokhov, postmodernism, female prose, historical prose, detective, allusions and reminiscences

REFERENCES

- [1] Arosev G. Otmeta net (Dmitrij Bykov. Iks) [The answer is no (Dmitry Bykov. X)]. *Novyj mir*. 2013. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/1/a12.html (accessed: 05.02.2018).
[2] Bykov D.L. Iks [X]. М., 2012.

- [3] Katishonok E.A. Zhili-byli starik so staruhoj [Once upon a time, there lived an old man and woman]. М., 2011.
- [4] Pol' D.V. Geroy-zashhitnik v hudozhestvennom mire M.A. Sholohova i K.M. Simonova [Hero-defender in the artistic world of M.A. Sholokhov and K.M. Simonov]. Otechestvennaja slovesnost' o vojne. Problema nacional'nogo soznaniya: Materialy XX Sheshukovskih chtenij. М., 2015. S. 15—25.
- [5] Pol' D.V. Pravda lichnaja i pravda narodnaja v russkoj literature XX v. (M.A. Sholohov, N.A. Ostrovskij, A.I. Solzhenicyn) [Personal's truth and social's truth in Russian literature of XX century (M.A. Sholokhov, N.A. Ostrovsky, A.I. Solzhenitsyn)]. Literaturnaja uchjoba. 2008. № 2. S. 137—149.
- [6] Sultanov K.K. Reprezentacija proshlogo kak dominirujushhij faktor samoidentifikacii v literature postsovetskogo perioda [Representation of the past as the dominant factor of self-identification in the literature of the post-Soviet period]. Studia Litterarum. 2016. № 1-2. S. 302—321.
- [7] Urjupin I.S. "V godinu smuty i razvrata...": ob odnoj reminiscencii v tvorchestve M.A. Sholohova i S.S. Behteeva ["In the year of confusion and debauchery...": about one reminiscence in the works of M.A. Sholokhov and S.S. Bekhteev]. Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury. 2017. № 2. S. 63—72.
- [8] Yakovleva Yu. Ukroshhenie krasnogo konja [The taming of the red horse]. М., 2017.
- [9] Yahina G.Sh. Zulejha otkryvaet glaza [Zulaikha opens her eyes]. М., 2015.
- [10] Yahina G.: «Ya ljublju prostye chelovecheskie istorii» [I like the simple human history]. Le Courrier de Russie. 9.09.2015. URL: <https://www.lecourrierderussie.ru/obshestvo/lioudi/2015/09/guzel-yahina-prostyie-istorii/> (accessed: 05.02.2018).

Article history:

Received: 10 January 2018

Revised: 9 January 2018

Accepted: 20 February 2018

For citation:

Soldatkina Ya.V. (2018) Personality and literary works of M.A. Sholokhov as part of contemporary Russian prose: The basic trends of perception. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23 (2), 159—166. DOI 10.22363/2312-9220-2018-23-2-159-166

Bio note:

Soldatkina Yanina Viktorovna, Doctor of Philology, professor of Department of Russian Literature, Institute of Philology, Moscow State Pedagogical State university. *Contacts*: e-mail: yav.soldatkina@mpgu.edu